

Александр Юрченко

Овидий. Письма к Августу

Письма, брошенные в мраморную урну для грязного белья

В 8 году нашей эры, по римскому времени в 741 году от основания «вечного города», широко известный в Риме поэт Публий Овидий Назон, аристократ, эстет, любимец женщин, баловень судьбы, внезапно высылается императором Августом в небольшой город Томы на западный берег Черного моря, где проводит последние девять лет жизни.

Ссылка Овидия прогремела в Риме как гром среди ясного неба. Никто не знает истинной причины изгнания великого поэта.

Овидий не смиряется с решением Августа, он пишет письма в Рим, надеясь на оправдание или хотя бы смягчение приговора.

Часть I. Год первый

Письмо первое. Овидий императору Августу

**Спасибо, божественный Август,
за любезно предоставленную тобою**

как владыкою небес
возможность
преодолеть все
сопротивления природы.
Все громы и молнии,
оглушающие и
ослепляющие нашего
кормчего так, что бедный
не знал, в какую сторону
ему править руль; все
волны, доходящие
величиной до десятого вала,
бьющие в борта
нашего корабля, словно камни
из катапульты,
выпущенные непримиримым
неприятелем; все ветры,
перепутавшие свои
исконные направления –

так что Борей не отличишь
от Эвра, а Зефир от Нота, – скомкавшие и сорвавшие
парус, сломавшие мачту и руль.
Слава богам, мы добрались-таки до Коринфа и
зимуем теперь в Кенхреях в холоде и голоде
греческой зимы в ожидании теплого времени и
нового корабля, который ты вышлешь нам в помощь.
Это ожидание лучше ожидания гибели в морской
пучине. Не знаю, что лучше, стать кормом для рыб
или потерять уютный дом, любимую жену и друзей?
Во всяком случае, благодарю тебя, божественный
Август, что за мою провинность ты, по крайней мере,
сохранил мне жизнь, тем самым не дал моей жене
умереть от горя и оставил ей надежду мечтать о моем
возвращении.

Коринф. Коринфские Кенхреи.
741 г. от основания Рима (8 г. н. э.).
12 декабря. В 5-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Сколько раз я брался за это письмо и
столько же раз беспомощно отбрасывал в сторону
стилус!
Навощенные дощечки расплавили свою
лицевую сторону – так старательно я стирал
написанное, чтобы с жаром снова излагать свои
спутавшиеся от душевной боли мысли. Когда,
довольный собой, я брал, наконец, в руки чистый
папирусный свиток, еще пахнущий полуденной
свежестью полноводного Нила, то полировал
пемзой
его растрепанные волокнистые края, натирал
тыльную сторону благовониями и наносил
киноварью
обращение к тебе, а потом и весь текст с дощечек
переписывал обычными чернилами набело.
Бывало,
прочитав письмо еще раз, несколько раз рвал
свиток на куски и кричал от боли потому, что слова
в нашем языке так пусты и никчемны, что не мог
выразить я страдания, на которые ты обрек меня
своим решением выслать меня из Рима
на край Ойкумены, в геттские степи, где будет
ходить неприкаянным призраком моя тень.
Будь здоров.

Коринф. Коринфские Кенхреи.

741 год от основания Рима (8 г. н. э.).

12 декабря. В 7-й час после захода солнца.

Письмо второе. Овидий императору Августу

Ты будешь удивлен, божественный Август! Но
есть у меня желание продолжить стихотворный ряд.

А одиночество, в котором я буду пребывать, не знаю, сколько времени, может быть, поможет мне преуспеть в этом так, чтобы ты почитал меня, как любимого тобой Горация. Ведь, согласишься, любовь к нему и Вергилию застила твои глаза и ты не мог найти сил, чтобы открыть их в достаточной степени, чтобы прочесть мои скромные элегии. А так ты только слушал, что говорят о них другие. Но каждый видел в них то, что хотел видеть, ведь мера испорченности позволяет заглянуть гораздо дальше сказанного.

О, наше коварное время!

О, продлись Золотой век Августа!

Коринф. Коринфские Кенхреи.

741 год от основания Рима (8 г. н. э.).

24 декабря. В 5-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.

Пусть, Август, не первый поэт я в наступающем Золотом веке твоём, но и не последний. Четвёртый по силе я после Корнелия Галла, Проперция и Тибулла.

Скучное педантичное время Вергилия и Горация уж кануло в лету. Легкое дуновение любовной элегии тешит теперь утонченный слух римлянина. Так Проперций восславляет любовь свою к Гостии под именем Кинфии, стыдясь измен ее постоянных. Корнелий Галл воспеваёт лукавое жеманство красавицы Ликориды, в которой все признают тень мимической актрисы Кифериды.

Альбий Тибулл тем себя утешает, что Плания, которую любит он безответно, взаимностью ему отвечает, но в образе Делии славной.

О своем восхищении Корины пленительным обликом и я говорил, не раскрыв перед

глазом чужим ее имя, может быть, потому,
что любил не одну.
Но, в отличие от новых поэтов, все ж отдаю
для себя, как и ты, дань уважения предкам,
что в поэмы вошла в превращениях чудных богов
и людей, воспеваю богов, что вошли в
римский наш календарь.
Не хватило лишь нескольких месяцев,
чтобы то, что я написал,
в совершенстве представить для услады твоей.
Вызвал ты меня на холм Палатинский
сообщить ужасное нечто.
Не потому ли дал на сборы всего лишь
три дня, чтобы не смог отойти я от ослепления
первых обид и оправдаться перед тобой?
Как мог обвинить ты мой стих в растлевающем
влиянии на римских матрон и их дочерей, если ничего
скабрезного не было сказано мною, а сам ты
допустил излишнюю вольность
в эпиграмме против Антония и в таком грязном виде,
что у меня завял бы язык, если бы
попробовал сказать такое о женщине?
Если я по молодости лет был легкомыслен, так и
ты молодым не пропускал ни одной женской
туники, а сейчас Ливия поставляет в твоё ложе
юных наяд. Я же, сменив двух жен, верен остаюсь
последней – до мраморной доски с эпитафией.
В гневе сейчас сжег я «Метаморфозы» и «Фасты»,
хотя ходят они уже в списках и живут отдельно
жизнью своей, на которую мне не повлиять уж
никак. Но одно я сделать смогу – убрать
посвящение тебе, предваряющее «Фасты»,
и вписать в титул вместо твоего – цезаря Германика
светлое имя. Пусть, узнав о моем намерении,
ты пошлешь наемного убийцу, который
зарезет меня как овцу в темной подворотне
в Томах, или передашь в подарок якобы

от друга отравленный перстень, или прикажешь рабу, обслуживающему меня, пообещав за это свободу, подсыпать яда мне в пищу.

Ты – всемогущ и всесилен, как Зевс. Что можешь ты сделать мне хуже того, что уже сделал? В праве ли рассчитывать я на справедливость твою?

А что до бурь, которые, как ты знаешь, трепали мой корабль без устали, не потому ли ты назвал декабрь временем нашего отправления в столь долгое и опасное плавание, что был уверен – не доплыть ему в такое время года до места назначения никогда?

Однако знай, мы уже в Коринфе, хотя без паруса и руля и с трещинами по обоим бортам, и ждем твоего дальнейшего «благоволения».

Будь здоров.

Коринф. Коринфские Кенхреи.

741 г. от основания Рима (8 г. н. э.).

24 декабря. В 8-й час после захода солнца.

Письмо третье. Овидий императору Августу

Мои сандалии ступили на землю Понта.

Ну что я могу сказать?

Проще мне было не родиться, чем увидеть такое. Земля – плоская и голая, как море во время послеобеденного сна Борея. Никакого намека на наши сады и виноградники. Что уже говорить о моем capitoлийском саде, полном цветущих яблонь! В это время они уже осыпали белым и розовым цветом зеленые аллеи, а тут едва набухли почки у одиноко стоящего дерева, кажется, липы. Это недалеко от моего нового дома.

Не хочу называть унылую хижину, крытую дунайским тростником, словом «дом». Липа, растущая неподалеку, кажется, единственное дерево на весь город. Теплится мысль, что в

жаркое лето, надеюсь, здесь, на краю земли, тоже есть оно, буду находить под ним спасительную тень, а осенью – одаривать себя напитком из липового цвета. Конечно, если у меня будет болеть горло, а будет болеть непременно, так как здесь очень холодно.

Кстати, о колодезной воде. Она здесь с привкусом соли. Попробовал – и тут же выплюнул. Иметь такую воду почитаю за счастье – ее тоже можно использовать для полосканий, а также омыwać руки перед обедом. А пить придется молоко буйволиц, поскольку вино здесь не производят. Мирные геты (воинственные, говорят, тоже есть, живут за Дунаем) пасут их вместе с молодняком в степи за городом, зелень едва проклюнулась, и они еще кормятся прошлогодним сеном.

Вот чего здесь много, так это сена, которое хранят под навесом, создавая из него целые холмы.

Я, кажется, сказал слово «город»? Тебе не слышалось, Август. Да, здесь есть две улицы, казарма Скифского легиона и небольшая дорожка из булыжника до казарменных терм. Офицер сказал, что я тоже могу там мыться, когда пожелаю.

Улицы в «городе» не мостят камнем, а посыпают песком от ракушечника, из которого местные жители строят дома. Поэтому в период дождей в Томах царит непролазная грязь – для буйволиц, конечно, раздолье, – а в сухую погоду пыль клубится столбом, как дым и благовония в храме Юноны. Живут здесь греки, и, кажется, уже давно, с того времени, как волчица нашла Ромула и Рема на Капитолийском холме. Именно тогда они приплыли сюда из Милета. Но к настоящему времени ничего греческого от них не осталось, так как ходят в кожаных штанах, а плечи покрывают овечьими шкурами, женятся на гетских женщинах и уже

говорят на их языке.

Мне их речь непонятна, режет слух варварскими звуками. Говорить не с кем. Солдаты несут службу, греки разводят детей, больше здесь нечем заниматься.

Говорят, сюда иногда заходят корабли.

Буду ждать. Может, услышу родную речь.

На глаза наворачиваются слезы.

Зачем мне все это?

Если я в чем-то повинен, прости меня,
божественный Август.

Повинен, конечно. Прости.

Томы. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).

Время мартовских ид.

В 7-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.

Благодарю. Корабль пришел вовремя.

Как только стихли суровые коринфские ветры.

От Коринфа до Самофракии плыли долго, так как снова попали в бурю, правда, не в такую жестокую, как в Ионическом море.

Прости, Август, я снова пишу стихи. Это здесь и случилось, на Самофракии, где я пересел на третий корабль со шлемом Минервы на носу. Это хорошее предзнаменование, оно больше мне сказала, чем печень овцы, полет орла и все остальное. Не нужно было ходить и к Самофракийскому оракулу.

Минерва указала мне путь и способ по нему идти.

Наша богиня любит применить крепкое словцо, правда, всегда к месту. Но я не могу последовать ее примеру, чтобы сказать, что я чувствую сейчас.

Да и твой слух, Август, не достоин улавливать такое.

Потому-то я и перешел на язык поэзии.

Чем ближе к Понту Эвксинскому, тем дальше от берегов Авзонии. Это убивает меня. За что наказан я, Август? Сам-то ты знаешь это? В стихах я высказал одно предположение. Как только закончу, вышлю. Но будет это нескоро. Корабли здесь проходят редко, за все время пути ни одного не встретил.

А что делать в море? Жевать сухари и смотреть на горбатых дельфинов? От скуки можно сойти с ума. Что еще ждет меня в гетской пустыне, страшно подумать.

Нет, есть еще одно занятие: можно выворачивать желудок наизнанку. Как сказал бы ты: «меня мутит». Думаю, мой вариант точнее.

Видя мои страдания, капитан решил высадить меня на берег. Дальше проделал я путь в повозке на лошадях и, перешагнув через горы, встретил «Минерву» уже за Геллеспонтом в Одиссосо.

О том, что я еще не умер и нахожусь в Томах, ты можешь догадаться, так как, надеюсь, уже получил мое письмо. Не берись описывать того, что увидел. Лучше бы тебе прочесть о них (о Томах) в «Географии» Геродота – сделать это нетрудно, так как Палатинская библиотека недалеко от твоего дома. Правда, тебе ближе ристалища в Большом цирке, который ты так надстраиваешь трибунами, что они не выдерживают наплыва толпы и рушатся каждый раз, когда проходят бега колесниц, унося больше жизней, чем битва при Ации.

Как видишь, я уже ничего не прошу. Главное, ты сохранил мне жизнь. Только зачем она мне без римских садов, Фабии и любимых книг?

Будь здоров.

Томы. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).

Время мартовских ид.

В 4-й час после захода солнца.

Письмо четвертое. Овидий императору Августу

Одиноко брожу по пустынному берегу Понта.
Слушаю песнь ветра...
Она звучит не в шелесте листьев на кустарнике или
скрипе разбуженных на заре оливковых деревьев.
Нет... Здесь нет ничего такого. Здесь песнь ветра
проявляется в шуме волн и шуршании песка. Слышу
обрывки слов. Тех, что ветер приносит с моря. Мои
сандалии проваливаются в зыбкий песок, но следов
я не вижу.
Горе мне!

Томы. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).

22 июля. В 8-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет! Бужу тебя, еще не
остывшего от теплой постели. Хранит она мягкий
слепок твой. Утром раб принесет тебе
мои стенания, а у самого дела по горло.
Что поделаешь? Побудь немного в моей шкуре.
Не утонул в море я, так чуть не поймал смерть на
кончике отравленной стрелы.
Мне говорили местные греки, что воинственные геты
атакуют Томы только зимой, когда
жестокое холод сковывает Дунай так, что ледовый
щит выдерживает не только пешего, но и война на
коне в полном снаряжении и даже повозку,
запряженную двумя быками.
Но вот не далее как вчера стрела с горбоносим
наконечником попала в котел с похлебкой, которую
мой раб готовил в летней кухне на дворе.
Котел долго отмывали и чистили кедровым
маслом, а я думал о том, как наша жизнь зависит
от случая.
Ведь послушай я отца и отдай все силы в коллегии

децемвиров на поприще служения Риму, не осталось бы времени на сочинительство, заниматься которым в наш век не менее опасно, чем участвовать в боях гладиаторов. Но, с другой стороны, можно на улице споткнуться о камень, разбить голову и умереть от ран. И ты ведь, Август, не послушал отчима своего Филиппа и не отказался от наследства Цезаря, борьба за которое могла сулить неприятности, далеко идущие, – соперниками тебе были зрелые мужи, а сам ты лишь два года как надел тогда взрослую тогу. Вот примеры того, как недолговечны власть и сила денег.

Крез Лидийский за деньги свои мог бы полмира скупить, но однажды пожадничал и нищим рабом стал у царя персидского Кира. И Дионисий, тиран Сиракузский Младший, властью гордился своей, покуда дни не закончил учителем школьным в Коринфе.

Ты же не будешь спорить со мной, что взлет на вершину так же чарует, как и падение в пропасть.

Теперь послушай, Август, что я опять вытворяю. Вины в том, как буду писать тебе дальше, в себе я не вижу.

Не вина, а беда моя в том, что я стихи слагаю даже здесь, где изгнанником был Орест, где Медея стрелы пускала в отца, убегая от погони.

«Мог бы я ряд аналогий подобных продолжить, места не хватит на скромном свитке моем.

Видишь, кажется мне, будто я на стихи перешел, льются они из меня рекой полноводной.

Гнева боюсь твоего,

Видно, на этом прощаться пора.

Словом ритмичным в тебе я боюсь пробудить сожаленье в мягкости кары, что выбрал тогда для меня.

Что говорить? Может, стрела косматого гета

выберет путь свой точнее... и в следующий раз дело закончит твое, что ты совершить не успел или неверно задумал».

Будь здоров.

Томы. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).

22 июля. В 6-й час после восхода солнца.

Письмо пятое. Овидий императору Августу

Вот и первую зиму, божественный Август, я пережил на чужой мне земле, где вино превращается в лед, топором хоть руби его, где Дунай промерзает до дна, так что рыбы живьем застывают, где очаг день и ночь так дымит, что я воздух как рыба ловлю, рот разинув в дымящейся стуже.

Душат слезы... Не дымный очаг вызвал их и не гетов горящие стрелы, что на Томы летят, сея слезы и плач за стеной у соседей. Просто свиток «Скорбных элегий» я достаю из ларца, где хранятся все письма мои, и кладу его в прочный из кожи футляр, алым соком от ягод вакцинии спелой он пропитан, так что бури ему нипочем и соленые слезы морские.

Пусть жена прочитает его и друзья. Пусть поймут, как мне тягостен жребий тяжелый. Может, строки мои и к тебе попадут. Среди свитков других и не менее, может, достойных, обрати на него свой божественный взор и ответить мне не забудь. Может, гнев свой сменишь на милость.

Ты плыви, моя книга, тем же путем, что поэт отправлен был в ссылку. Знаю, судно другое до Рима ее донесет – долгий путь одному кораблю не под силу. Как же люди сюда, на край света пришли, как живут здесь? И я между ними...

Томы. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).

15 декабря. В 5-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Вспомнил сегодня я день свой отъезда из Рима.
Мягкий римский декабрь! Не сравним он ни с
гетской зимой и ни с летом! Почему же такие
зарубки на сердце моем он оставил? Даже дротик
германца свирепого большего сделать не смог бы.
Помнить долго я буду те крики и стоны, что изо всех
раздавались углов.

В доме моем все опечалены были, плакали слуги,
жена к домашним богам обращалась с мольбой.
Никак объяснить им не мог я, что послужило
причиной опалы суровой такой.

Август, лишь мне и тебе, как считают, известны
те страхи и беды, что тайною стали для всех и
и для меня самого.

Спорят друзья, меж собою поспешные строят догадки,
в письмах с тревогой вопросы мне задают. Что им
ответчу, если сам до сих пор я в сомненьях: верно
понял ли, Август, я силу упреков твоих?

Будь здоров.

Томы. Берег моря. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).

15 декабря. В 3-й час после восхода солнца.

Часть II. Год второй

Письмо шестое. Овидий императору Августу

Я часто думаю о твоей жизни, божественный Август.
Да, не удивляйся, не о своей, а твоей.
Как и любой другой, кто мог оказаться на
моем месте, если бы захотел выяснить причину
ссоры, взаимных непониманий и недоразумений.
Можно возразить: какие ссоры могут быть между
нами?

Ведь мы находимся на разных планетарных орбитах: ты – государственный муж, отец отечества, я – поэт, не снискавший ни славы, ни государственных наград. Но ты не был бы божественным Августом, и не находился бы столько времени на вершине власти, если бы не ломал общепринятые традиции и был таким же, как все.

Ты первый из властителей Рима придал столь высокое значение не только деяниям своим, но и слову, которым о них будет сказано.

Когда впервые ощутил ты вкус к слову?

Не тогда ли, когда у фамильного склепа в присутствии Цезаря и членов сената

двенадцатилетним мальчишкой произнес речь в память бабки своей Юлии? Или три года спустя в школе ритора Эпидия, где молодой Вергилий прочитал тебе свои первые стихи? Или когда уже

зрелым тридцатидвухлетним воином, уединившись в Брундизии после победы при Акции, ждал первых хвалебных од в свою честь, но услышал лишь ропот солдат, не получивших обещанное жалованье?

Как близко ты встал вровень с поэтами Рима, но не лицом к лицу, а посредством друга своего Мецената, в саду которого собрал ты лучших из лучших, не глядя на статус их, будь то всадник или плебей, или даже вольноотпущенник – тебе безразличен их признак сословия.

Но как легко ты даришь свое расположение, так легко можешь забрать его и обратно.

Приблизиться к тебе и сгореть в один день, как мотылек, упавший в масляную лампу?

Что может быть проще?

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).

Время мартовских ид.

В 1-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Раз ночью бессонной, когда Плеяды на небе
блистали, грозной Медведицы ковш опрокинув
случайно,
вспомнил о друге твоём, о божественный Август,
о поэте
великом Корнелии Галле, верой и правдой
служившем тебе.
Юношей знал ты его. И в Эпидия школе с Вергилеем
вместе
все вы втроем риторству там обучались. Думал я,
давняя дружба такая станет залогом жизни
успешной вполне.
Так и сложилось вначале...
Кто мог подумать, что Галлу печальный конец
уготован? Как мог я подумать, что тот, кто подарит
Риму Египет, кто пленит для тебя Клеопатру, кто
талантом с Горацием может поспорить, станет тебе
неудобен? Да так, что судьбу его как наместника
Рима в Египте ты вверишь коллегии децемвиров.
Бедный Галл, сладкозвучных элегий отец, жертва
злых наущений, клеветы и доносов, такого позора
ты не выдержал бремя, не дождавшись суда, сам ты
стал судьёй для себя и на меч бросил тело свое.
Будь здоров.

Томы, 743 год от основания Рима (10 г. н. э.).

Время мартовских ид.

В пятый час после восхода солнца.

Письмо седьмое. Овидий императору Августу

Вспомнил я, божественный Август, тот день, когда
вместе со всеми праздник Римом любимый встречал –
день, когда улицы все в цветах утопали
в честь нами любимых домашних богов.

То первый год был, в котором ты повелел изменить этот праздник, народом любимый веками. К пенатам и ларам ты «Августа Гений» добавил, дабы имя твое в доме каждом встречали, с постели вставая с солнечным первым лучом и перед сном вспоминая. Отныне: и в праздник, и в будни гений твой в доме каждом должен быть над очагом поминаем.

В год этот памятный, когда «Августа Гений» мы первый раз отмечали, ты на носилках велел себя пронести по улицам всем и кварталам. И, осыпая цветами, меня в римской толпе заприметил. Я, как и все, с головою склоненной стоял.

Вдруг отдаешь ты приказ носилки на землю поставить и твердой походкой ко мне ты подходишь. «Овидий, – ты говоришь, руку ко мне простирая, – чем стоять преклоненным, в шумной толпе растворяясь, ты бы лучше в стихах голову предо мною склонил. Было бы это намного заметней народу». Так ты сказал, и дальше тебя понесли. Я же наутро об этом забыл, к ларам, как прежде, у очага припадая.

Как я наивен был, слова твои счел пожеланием. Ты же, как ясно теперь, мне приказ отдавал. Был это первый звоночек, звенящий, как у овечки звенит колокольчик, но никак не звон колокольный, что звенит как набат. Звуку его я простодушно не внял. Каюсь, теперь был бы гораздо умнее: славил бы тебя до небес. Но боюсь, из Том мои восклицания ты не услышишь – ветер заглушит их звон или морская волна.

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).

25 июня. В 8-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет! Могу ли поверить,
что не в Риме я возле своих виноградников
или в беседке с книгой в руках,

или с женой в белых туниках
в театре сидим на лучших местах.
Больно мне видеть во сне, как я с друзьями
пирую в саду.
Может, за это я пострадал? Ты ведь, Август, не
пьешь, знаешь меру в вине. Отец тебя с детства
готовил не отвлекаться на малое, чтобы достигнуть
большого.
Слушай, вот только что я
сочинил:
«Так говорят, или придумали льстивые слуги,
из колыбели младенцем ты выбрался и на
высокую башню заполз. Там и нашли тебя.
Спал пухлый малый, к солнцу повернут лицом».
И еще говорят, позволь перейти мне на прозу,
что молния ударила в городскую стену, знаменуя о
твоем рождении. Правда ли это?
А то, что едва говорить научившись, засыпая в
качалке у деда на вилле, ты приказал замолчать
лягушкам, квакающим в болоте, и те замолчали.
Чем не легенда? С Гераклом сравнима лишь,
подобно тебе, унявшему стрекот цикад. Или еще
говорят, что однажды в рощу у Кампанской
дороги к четвертому милевому столбу – надо же,
как место отмечено точно – завтрак тебе
принесли. Тут с неба орел камнем упал, вырвал
хлеб у тебя из маленьких рук, быстро набрал
высоту, но внезапно вернулся, хлеб твой вернув.
Чудо такое лишь Тарквинию царскую власть
предвещало.
И еще говорят...
Хватит. Довольно с меня славословий.
Зная все это, о тебе никогда не
писал я ни строчки. Да и не было в этом нужды.
В твою честь Вергилий слагает эклоги. Вторит
Гораций ему, тебе посвящая стихи.
Здесь пора бы поставить мне точку.

Нет. Я скажу тебе все же.
Третьим я быть не могу, ты уж за это прости.
Будь здоров.

Томы, 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
25 июня. В 4-й час после восхода солнца.

Письмо восьмое. Овидий императору Августу

Теперь я думаю, божественный Август,
как народ научился так почитать тебя, как не чтил
никого со дня основания Рима: ни во времена царей,
ни во времена республики! Но не все же подвластны
стихам! Кому-то роднее творение Лонга «Дафнис и
Хлоя», другому – Платон с Аристотелем ближе, а
третьим – Геродот отец истории дорог. Из тех, кто читает
стихи, не всем Гораций с Вергилием ближе Катутла.
Но есть ведь такие, что и вовсе стихов не читают.
Разумно ты поступаешь, что в Колизее по праздникам
сам бои открываешь, а в цирке взмахом платка
возвещаешь начало бегов колесниц.
Запомнится больше такое, чем тысячи прославлений,
Горация сделанных твердой рукой. Ведь сколько на
римских холмах хранилищ для книг ты ни строй,
папируса сколько ни режь вдоль зеленого берега
Нила, и кожи с быков для пергамента сколько ты не
снимай, для зрелищ всегда больше места в душе
у народа найдется. А к зрелищам хлеба бесплатно
во время триумфа раздашь, победу над персами
или тевтонами всю ночь отмечать будет
славный народ.
А к памятным датам ты деньги
раздашь всем гражданам Рима, прольется рекою
вино, нетвердой походкой пройдет мимо храма отец
многодетный, за строгой матроной нырнет
в подворотню юнец, потянется раб за туникой
хозяйки, пока заблудил ее муж с сабинянками в
термах Агриппы.

Ну, как не кричать перед домом твоим
возбужденно:
«Как весело, Август, живется нам в городе вечном!
Пусть славятся, Цезарь, вовек твои времена!»

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
7 сентября. В 6-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет! Я обещал выслать тебе свои соображения по поводу моей ссылки. Причем в стихах. Скажу тебе, что поторопился. Стихом хоть и владею по-прежнему, но не в такой степени, как ранее, когда писал три книги о таинствах любви, или даже когда совсем недавно переписывал набело последние свои поэмы.

Те несправедливые слова, что ты бросил мне в лицо в своем палатинском дворце, и твое решение устроить мне показательную порку, дабы устрашить других, кого угодно выбьют из колеи. Что тут говорить о стихах!

Но теперь, после долгих раздумий на чужбине, куда ты выслал меня, начинаю понимать, что ты действовал не сгоряча в порыве эмоций, а обдуманно. И не случайно ты расправился со мной!

Я нахожу аналогии подобно этой и другим жестокостям, которые ты прикрывал благими мотивами и намерениями.

Начать хотя бы с той ретивости, которую ты выказал, чтобы отблагодарить ветеранов Цезаря, усилиями которых ты победил республиканцев, а позже был приведен к власти. Я не приветствую ее. Прежде всего, меня возмутили проскрипционные списки, в которые ты вместе Антонием и Лепидом внес жителей Кремоны и Мантуи, поддержавших Брута и Кассия. Я понимаю твои чувства, которые охватили тебя после убийства божественного Юлия.

Но нельзя строить счастье одних на несчастьи других.

Ты отнял земли, дома и другое имущество у тысяч состоятельных людей по всей Италии. Более того, отнял у них жизни. Но они не убивали Цезаря, а только сочувствовали республиканскому способу правления и выступали против диктатуры единовластия.

Ты поощрял доносы и двурушничество, обещая сохранять в тайне имена доносчиков и давая им богатое вознаграждение за наушничество.

Ты дал право убивать неугодных каждому, кому это заблагорассудится. Головы убитых, сказал ты, пусть приносят к нам за вознаграждение в 25.000 аттических драхм за каждую, если приносящий свободнорожденный. Если же раб, то получит свободу, 10.000 аттических драхм и гражданские права своего господина. Те же награды назначаются и доносчикам.

Итак, в добрый час, написал ты в обращении к римлянам. Тем самым ты разбудил в душах и сердцах самые низменные чувства, какие только могут встретиться в нашей жизни: зависть, обман, подлость, предательство, страсть к деньгам и наживе.

Сын поднял руку на отца, брат на брата, сенатор на сенатора; плебей стал отнимать состояние у всадника, должник деньги у ростовщика, раб жизнь у хозяина. Плоды вопиющей несправедливости и беззакония ты пожинаешь теперь.

Хаос охватил Рим! Никто не мог знать, что случится с ним завтра. Потому народ решил: будем жить сегодня – кутить, развратничать и прелюбодействовать – ведь завтра меня может не быть.

А ты говоришь мне: «твоя «Наука о любви» всему виной».

Будь здоров.

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
7 сентября. Во 2-й час после захода солнца.

Письмо девятое. Овидий императору Августу

Как время летит быстротечно,
словно стрела из гетского лука. Вот и
лето второе прошло, как ни стало.
И луга, цветущие всюду, превратились в пестрый
персидский ковер, но через месяц он выцвел
и оказался обычной степью, серой и неприглядной, как
старая подстилка у портика возле нимфеума.
Часто теперь проаживается по ней жадный до сухой
травы «красный петух», оставляющий после себя
лишь черные стерни.
Сколько хватает взора – все эта степь, без конца и
края: унылая, горькая, как жена, потерявшая мужа.
Потому и не выхожу за стены, а если иду, то в
сторону моря, ждать корабли из Рима.
Жара заставила греков снять меховые штаны, а
вместо сапог надеть плетеные из ивы сандалии.
Крутобокие гречанки в розовых туниках до
колен проходят мимо, не замечая меня. Что это,
старость? Нет, они снова влекут меня. Значит ли это,
что мне самому пригодится книга моя, за которую
ты так укорял меня, Август? Как ты уже понял,
«Лекарство от любви» намереваюсь я перечесать.
Портят весь вид косматые геты, но куда от них
деться – ведь молоко буйволиц покупаю у них.
В Томах, поначалу казавшихся мне дереvушкой
ничтожной, оказалось, есть форум, рынок и
три храма в придачу: Зевсу, Афродите-Кибеле и один,
совсем новый, посвященный Юноне.
Летом, как только высохли набухшие от дождей
дороги, сюда, как кажется мне, потянулись все
жители Мезии. Вся жизнь здесь сплошной базар,
каждый продает что-то и почти никто не покупает.
С первым кораблем из Рима привезли вино.
Выпиваю за обедом, как и ты, Август, не
более трех бокалов, иначе, боюсь, что сопьюсь.

Пью за твое здоровье!

Писем из Рима почти не было. Пишут мне только жена, дочь и пара друзей. А остальные? Боятся? В эдикте о высылке ничего не сказал ты о запрете на переписку со мной.

Когда накрывал я стол хлебосольный, дом мой ломился от лишних людей. Где вы сейчас, эй, отзовитесь? Может, ты, Август, соберешь нерадивых? Ведь как печешься о добрых старых традициях! Восстанавливаешь честь и нравы отцов и дедов наших, превозносишь те деяния, что сейчас не в чести: верность семье, роду и племени. Так восстанови и честное имя мое. Ведь ничего не сделал дурного. Ни тебе, ни Риму.

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
11 декабря. В 3-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.

Я часто спрашиваю, себя, божественный Август, – сейчас, как никогда, у меня есть для этого время: «Как изменится Мир, если служить не правителю, а идее»?

Тебе, Август, как никому будут близки мои слова, так как, получив власть из рук Цезаря, ты призадумался о жизнеустройстве Рима и стал сверять время новое, когда Рим стал республикой, и старое, когда нами правили цари, первым из которых, разумеется, после Ромула, был величественный Нума.

За семь столетий, что прошли с того времени, мало что изменилось внешне в устройстве Рима: и календарь, и ремесленные коллегии, и понтифики, и даже весталки – все те же. Но что-то изменилось. Наверное, много раз ты спрашивал себя: что?

И не сразу находил ответ.
Меняет ли время людей? И да, и нет.
Верность и предательство, честь и бесчестие, вера
и неверие были всегда. Они соседствуют в человеке,
как река соседствует с берегом, как Солнце
соседствует с Луной, реки с морями, а звезды с
небом.
Ты вознамерился возродить то старое, доброе, что
было при Нуме Помпилии, но есть и сейчас,
возможно, в меньшей степени. И взялся искоренить,
то «новое», злое, что есть сейчас, и есть, наверное,
в большей степени, чем было в старое время.
Но оно было. И не может исчезнуть, как все другое,
что было: как радость жизни, любовь, вино, измены,
игра в кости, тяга к переменам и нелюбовь к новому.
Падение нравов, Август, как ты его понимаешь,
нельзя излечить законами и твоими эдиктами.
Нельзя заставить гражданина надевать строгую тогу,
если он хочет носить легкий плащ.
Невозможно законом о прелюбодеянии заставить
женщину любить мужа, за которого ее выдали
помимо ее воли, или мужчину – быть верным жене,
если он полюбил другую.
Как нельзя заставить граждан любить правителя
только за то, что он предоставляет им хлеб и
зрелища в неограниченном количестве, отнимая у них
другие права.
Каждый сам вправе решать эти вопросы морали и
чести, согласуясь со своей совестью и честью,
а не твой личный суд, Август, который ты поставил
выше коллегии судей, и не твое слово,
которое ты противопоставил слову
каждого.
Будь здоров.

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
11 декабря. В 1-й час после восхода солнца.

Часть III. Год третий

Письмо десятое. Овидий императору Августу

Приснился мне сон. Я знаю, какое значение ты снам придаешь, божественный Август. Значит, поймешь ты меня и мои опасения. Так слушай рассказ мой:
«Отец седовласый, в белую тогу одет, с лентой пурпурной, как всаднику быть надлежит, и мать – в тунике просторной цвета небесной лазури – с тревогой подходят ко мне. Отец к изголовью кладет холодную руку, а мать, причитая, руками держась за подол, встает на колени.

Я с ложа холодного тщетно пытаюсь подняться и с ужасом понимаю, на это мне сил не хватает.

– Не нужно, сынок, – мне мать говорит. – Мы знаем, не можешь ты встать.

И оба, плащи накинув на плечи, в темноте растворились». Тут в ужасе я просыпаюсь.

Что думаешь ты по этому поводу, Август?

Сдается мне, сон, увиденный мною, о том говорит, что выйти из ссылки уж мне никогда не придется.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

15 января. В 6-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.

Третий год пошел моей ссылке.

Каждый день – это муки, поверь мне,
а что говорить о неделе, месяце, годе?

Вопросы, что тебе задаю,

то ли теряются среди волн бескрайних
Понта Эвксинского,

то ли сдуваются суровым Бореем во Фракию,
где дикие даки и геты, что там обитают,
слышат меня и не понимают ни слова.

Но не им предназначено...
Если долетит до тебя хоть словечко,
дай знать, божественный Август.
Будь здоров.

Томы. Берег Понта.

744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

15 января. Во 2-й час после восхода солнца.

Письмо одиннадцатое. Овидий императору Августу

Десять писем тебе отослал, о божественный Август.
Вот еще один свиток, не медля, к отправке готовлю. В нем
я выражу мысль, которая, возможно, покажется тебе
странной,

но изволь до конца выслушать тезу мою.
Как волей Гомера Улисс в царство теней был отправлен,
так и я волей твоей с ним нахожусь по соседству.
Вот, проверь эти строки слепого поэта. Как к Улиссу,
так и ко мне они отношение имеют.

«Там киммерийцев печальная область была,
покрытая вечно туманом и мглой облаков;
никогда не являет там оку людскому лица своего
лучезарного Гелиос, землю ли он покидает,
всходя на обильное звездами небо,
или с неба обильного звездами сходит,
к земле обращая свой взор. Искони ночь безотрадная
всех живущих там окружает».

– Мы дошли до края земли, –
устаи Гомера Улисс сообщает. –
Здесь река-океан протекает по равнине безлюдной.
Чем это не Дунай полноводный, что весной растекаясь,
подобен бескрайнему морю? Стоя у кромки воды,
берега на другой стороне ты не увидишь.
Здесь Сизиф обречен
вечно свой камень катить на невысокую гору.
Холм этот рядом с домом моим расположен.
А несчастный Тантал,

что в озеро погрузился по горло,
жажду не может озерной водой утолить.
Вижу частенько его из окна моего на закате.
Стрелы летят. То не скифы и не киммерийцы,
то Геракл свой лук натянул, тетиву отпуская.
Здесь, в царстве теней, с матушкой грустной
Улисс говорил. Там же и я видел во сне свою мать.

На этом сходство наше кончается, Август.
Улисс царство теней благополучно покинул.
В дом к Пенелопе своей он успешно вернулся.
Для меня же, я знаю, Аид родиной вечною станет.
Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).
22 февраля. В 8-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Опять зима. Не люблю ее, Август.
Ворочаюсь во сне, а тело словно примерзло к
постели. Вот встану сейчас, разведу очаг, согрею
озябшие руки и напишу тебе письмо.
И вот уже пишу его.
Я придумал себе такое занятие, Август. Делаю
что-нибудь, и наблюдаю за собой со стороны. И
кажется мне, что в комнате не один, а двое нас.
Один – делает, другой – смотрит. И уже веселее.
Хотя иногда хочется заплакать. От тоски, от
бессилия, от злой судьбы, что ты уготовил мне.
Но, как увижу мои слезы, еще не родившиеся,
сразу глаза высыхают, так и не выпустив слезу.
Вот если бы было так: стрела, выпущенная диким
сарматом, легла бы обратно в колчан со стрелами,
еще не успев сорваться с тетивы, и он ускакал бы
за Дунай, подминая копытами коня выцветший
ковыль, обнял молодую жену, народил детей и
пахал бы всю жизнь поле и сеял пшеницу.

Или весталка в Риме, которую наказали за
распутство, не успев быть заживо погребенной
в холодном склепе, оказалась бы вновь в храме
Весты – чистой и непорочной. Может, подумала,
бедная, что зря обратила свой взор на румяного
юношу, встретившегося ей на Аппиевой дороге.
Я, как та весталка, Август... Знал бы, что «Наука
любви» послужит предлогом убрать меня так далеко,
не грешил бы писанием стихов.
Знаешь, чем я от нее отличаюсь?
Когда ее опускают в подземный склеп, она
кричит, что невиновна.
Когда натывается на еду, что ей оставил палач,
замолкает, ест мясо, запивая его вином.
Когда слышит, что ее замуровывают заживо,
тихо плачет.
Отвечу вместо тебя, Август. Отличаюсь лишь тем,
что ты не оставил мне еды.
Тебя ведь не заботит, на что живу я, что ем,
что пью, и кто стирает мне грязное белье,
которое я бросаю в урну,
как и это письмо, что тебе написал.
Ну и крепко замуровал ты меня,
Август! Будь здоров.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

22 февраля. В 3-й час после восхода солнца.

Письмо двенадцатое. Овидий императору Августу

Вспомнил я портик в саду у Валерия Мессалы.
Пронзительный запах цветущих гортензий и
олеандров проник в мою комнату вместе с шумом
ручья и пением птиц и навеял то счастливое время,
когда в чтении книг и декламации стихов
мы весь день упражнялись без усталости.
Чем потчевал нас твой друг Мессала,
божественный Август?

На утро – стихами Тибулла, на обед – рифмами
Проперция, под вечер – образцами Александрийской
поэзии.
Не раз и не два и я приносил угощенья.
Что могу позволить себе теперь?
Кочанчик салата – вместо стихов Корнелия Галла,
три улитки – заменяют десяток эклог Горация,
свекла – соперничает с любовными похождениями
Тибулла,
икра морского ежа – благодарю богов, что не колючки, –
вторит нежным элегиям Проперция.
Таков мой обед сегодня. Без любимых книг и друзей,
без колонн портика, ослепительно белых.
Холодные стены внемлют стихам, и то лишь
только моим, родившимся у остывшего очага.
Жаль, тебя не было с нами, божественный Август!
Может, и не лишил меня скромной пищи моей,
будь очевидцем ты наших прочтений. В то
счастливое время приходил ты лишь в дом
Мецената, и то ненадолго, только чтобы
послушать песни Горация и Вергилия,
что сложили они о тебе.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

14 мая. В 5-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Послушай, Август, ты и впрямь уверовал,
что восстановленная республика, о которой ты
объявил сенату и народу, является республикой,
более того, тобой восстановленной?
Позволь спросить, не является ли создание
при твоей особе Совета по выработке предложений
сенату признаком твоей диктатуры?
Ведь предложения вносят лишь члены совета после
твоего одобрения, а сенаторы только безропотно

голосуют за них. А как может быть иначе, если ты присвоил себе статус «принцепса», имеющего право выступать первым на любом заседании? Давай перечислим права, которыми ты облек себя. Ты не раз избирался народным трибуном, хотя по всем положениям трибун выбирается из плебеев, но не из патрициев, каким являешься ты по праву наследования. Ты имел честь быть консулом и проконсулом – многократно и лично руководил провинциями и легионами, что в них расположены. Ты облачен верховной властью «*imperium maius*» и тебе принадлежит контроль над армией и преторианской гвардией, префектов которой ты назначаешь лично. Ты вместе с другом своим Агриппой являешься цензором с правом проводить чистки в сенате. Не потому ли он так послушен тебе? Ты после смерти Лепида стал и верховным Понтификом. Теперь только ты вправе следить за культом наших любимых богов... А говоришь, что просто имеешь у римлян авторитет? И не более того? Да ты властью такой обладаешь, что царю Тарквинию, свергнутому Юнием Брутом, и не снилось! И ты простодушно еще заявляешь: «Власти у меня было при этом не больше, чем у многих товарищей, занимавших государственные посты». Будь здоров.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

14 мая. В 3-й час после захода солнца.

Письмо тринадцатое. Овидий императору Августу

Вот строки, божественный Август, которые я передаю с кораблем Марцелла Руфа,

вопреки обещанию больше стихов не высылать тебе.

Прости, что нарушаю слово мое, но ты поймешь меня, прочитав письмо до конца.

«Благая Венера в римский явилась сенат и, незрима никем, похищает Цезаря душу.

Не дав ей в воздушном распасться пространстве, в небо уносит и там помещает средь вечных созвездий.

И, уносясь, она чует: душа превращается в бога, рдеть начала; и его выпускает Венера; взлетел он выше луны и, в выси, волосами лучась огневыми, блещет звездой».

Я писал тебе, божественный Август, что сжег на костре все пятнадцать книг «Превращений». Вчера случилось чудо! Разбирая старый сундук, я нашел этот свиток, последний из моей книги, где описал, как отец – твой и всех римлян – Юлий Цезарь, становится богом.

Не был на зрелищах я, что устроил ты в честь Венеры Прародительницы после прощания с Цезарем. Только лишь на свет появился тогда я, но знаю, что во время них в небе явилась комета и поняли все, что душа Цезаря обрела бессмертие. Стих мой был навеян скульптурой Цезаря со звездой на голове, что поставил ты в храме Венеры.

Скоро тот день наступит, когда ты с триумфом вступишь в Рим после победы над Антонием и Клеопатрой, избавив отчизну не только от убийц Цезаря, но и от коварных врагов отечества.

Пусть мой скромный стих навеет тебе память о любимом наставнике твоём, дело которого ты продолжаешь столь успешно.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

25 июля. В 5-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Я бы никогда не ставил статуй живым людям,
божественный Август. Думал, и ты того же мнения.
Ведь ты возмутился, когда узнал, что друг твой и
наместник в Египте Корнелий Галл поставил свои статуи,
как божеству, рядом с египетскими богами и начертал
свои деяния на египетских пирамидах.
Будь здоров.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

25 июля. В 3-й час после восхода солнца.

Окончание следует

